

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Становление и развитие государственности в России традиционно связывается с периодом IX – XII веков, который столь часто становился предметом исследования и породил такое множество концепций, что, кажется, нить рассуждений историков об этом времени рядовыми гражданами почти потеряна. Постараемся посмотреть на эту эпоху через призму определенных понятий, актуальных как для людей прошлого, так и для нынешних поколений.

Начать, по-видимому, следует с вопроса, который поставил перед собой и читателями еще автор «Повести временных лет» – «Откуда есть пошла Русская земля?». В исторической науке этот вопрос, как правило, связывается с двумя теориями, борьба между которыми идет уже не одно столетие. Они получили название «норманнская» и «антинорманнская». Отправной точкой подобного конфликта в научном сообществе стала часть «Повести временных лет», в которой речь идет о появлении в Новгородском княжестве группы людей, известных как варяги. Скорее всего, повествуя о них, летописец прекрасно понимал, кого он имеет в виду, однако потомкам разобраться в данном вопросе оказалось непросто – ведь в современном мире слово «варяги» утратило общеупотребительный смысл.

Разобраться в вопросе о происхождении варягов важно для историков по той причине, что именно они стали родоначальниками династии русских князей. Летопись сообщает, что местом их проживания было побережье Балтийского моря (раньше оно называлось Варяжским морем), дань им платили некоторые славянские и финно-угорские племена (чудь, кривичи, словене и т.д.), и в 862 году новгородские послы отправились к ним с интересным предложением: *«Приходите княжить и владеть нами»*.

Дальнейшие события хорошо описаны в учебной литературе – на Русь прибыли три брата-варяга: Рюрик, Синеус и Трувор, старший из которых (Рюрик) стал основателем княжеской династии, распространившей свое влияние не только на новгородские, но и на киевские земли.

В этом ключе принципиальным вопросом была проблема славянского или неславянского происхождения Рюрика и его братьев. В XVIII веке группой немецких исследователей, обратившихся к текстам русских летописей, было предложено мнение, что варяги – это скандинавский народ, близкий шведам или норвежцам. То есть, варяги – это норманны или, иначе говоря, викинги, и именно им принадлежит честь создания государства у восточных славян. Резким противником этого взгляда выступил М.В. Ломоносов, выдвинувший идею славянского происхождения варягов.

В дальнейшем сторонники и противники «норманизма» привели массу аргументов в доказательство собственных взглядов.

На данный момент тяжело однозначно ответить на вопрос о том были ли варяги народом скандинавского, готского, славянского или иного происхождения. Даже неясно обозначает ли слово «варяги» какой-то народ или же это социальная группа или даже профессия (так, слово «варяжить» могло значить «торговать» или «путешествовать»). Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что к моменту «призвания» Русь уже имела собственную государственность, и «гости» с побережья Балтики, даже став князьями, существенного влияния на политическую культуру страны не оказали.

Князь в славянской политической системе был призван исполнять ряд конкретных функций, а именно быть: управляющим, военным вождем, сборщиком дани и верховным судьей. Иногда ему приходилось участвовать в религиозных обрядах. Вот эти функции и были возложены на варягов. Князь в этой ситуации оказался не полновластным правителем, а фигурой, чье положение напрямую зависело от отношения знати, дружинников, народа, а впоследствии – еще и церкви.

Если мы обратимся к Лаврентьевской летописи, то поймем, что у древнерусских книжников князь ассоциировался, прежде всего, с поддержанием справедливости, заботой о благе подданных, сохранением согласия между различными общественно-политическими группами. В «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона даже присутствует идея ответственности правителя перед народом.

По сути, роль князя в государственном механизме Древней Руси изначально была довольно скромной – к его услугам в качестве судьи обращались преимущественно в тех случаях, когда проблему не получалось решить собственными силами; во время военных походов (отнимавших значительное количество вре-

мени) князь покидал пределы подконтрольной территории, и большинство насущных вопросов решалось без него и т.д.

Хотя знаменитый историк Н.М. Карамзин считал, что утверждение на Руси монархической формы правления происходило мирным путем, и славяне добровольно отдали себя под власть варяжских князей, на самом деле отношения между князьями и подданными складывались непросто. Славяне были готовы признавать верховенство Рюриковичей до тех пор, пока те исполняли вышеназванные обязанности и не пытались выйти на пределы очерченного для них круга полномочий.

Даже принадлежность князя к популярной и авторитетной ветви династии далеко не обязательно гарантировала устойчивость его власти, так как помимо этого он еще и должен был соответствовать определенным требованиям, а именно: обладать благородной внешностью, талантом полководца, ученостью, почитать церковь, соблюдать обычаи и т.д.

Малейшие отклонения в поведении князя приводили к конфликтам. В качестве примера можно вспомнить трагическую судьбу сына Рюрика – князя Игоря, который был убит древлянами, когда попытался собрать дань («полюдье») в большем объеме, чем обычно. А начиная с XII века, горожане регулярно изгоняли своих князей, как за какие-либо проступки, так и из-за элементарного нежелания подчиняться конкретному правителю¹.

Наверное, если попытаться выразить специфику взаимоотношений князя и поданных в домонгольский период, то наиболее точной будет формула «взаимное потребительство». Смысл этого выражения заключается в том, что для князей земли княжества и его население – это не более чем источник дохода в виде дани. В свою очередь, для жителей княжества князь – всего-навсего временный управляющий, которого по желанию можно заменить. Как заметил русский историк М.К. Любавский, первые киевские князья (Олег, Игорь, Святослав) были не более чем *«охранителями торговых интересов восточного славянства»*.

Эта система отношений, основанная на варяжском происхождении княжеской династии и феномене «призвания» (то есть, приглашения, в рамках которого источником власти князя был народ), привела к появлению одной из краеугольных проблем русской власти – проблеме легитимности.

Термин «легитимность» в самом общем смысле означает «законность», то есть легитимность власти – это концептуальное обоснование прав конкретного человека или группы лиц на управление страной в конкретный момент времени. Без легитимности любой режим может обеспечить подчинение людей только силой принуждения, но делать это бесконечно невозможно. А отсутствие легитимности власти, как правило, ставит крест на любых попытках реформ, этой властью проводимых.

Традиционный тип легитимности, сложившийся в большинстве стран Европы к IX веку – это, так называемая, *династическая легитимность*. В соответ-

¹ Например, киевский князь Изяслав Ярославич был изгнан жителями города за то, что не смог справиться с нашествием половцев. В 1127 году князь Давыд Всеславич был изгнан из Полоцка его жителями. В 1212 году князь Владимир Мстиславич был изгнан из Пскова за тесные контакты с ливонцами. А из Новгорода в течение XII – XIII столетий князей выгоняли стабильно и регулярно.

ствии с данным принципом право на управление страной должно принадлежать потомкам некой «исторической личности», внесшей огромный вклад в создание государства или его благополучие. Применительно к потомкам Рюрика принцип династической легитимности, увы, не мог играть существенной роли – этот князь не совершил каких-либо подвигов, не прославился походами, не принял новых законов. Все это было сделано его преемниками – Олегом, Игорем, Святославом, Владимиром и Ярославом. Фактически, власть Рюриковичей была легитимна до тех пор, пока они, как было сказано выше, исполняли свои обязанности.

Это привело к появлению двух основных тенденций в поведении князей в домонгольский период.

Одна группа князей была склонна согласиться с отведенной им ролью в системе государственной власти, и большую часть своих усилий они направляли на экстенсивное расширение своих владений, так как большая территория означала большой доход.

Вторая группа исходила из необходимости изменения положения князя в обществе и вела активную борьбу не столько за расширение земель, сколько за расширение прав, полномочий и привилегий.

Именно деятельность второй группы способствовала социально-политическому развитию Руси, и на формах этой деятельности необходимо остановиться подробно.

Первая такая крупная попытка была предпринята в правление князя Владимира Святославича. Эта фигура древнерусской истории известна в основном благодаря своим религиозным, а не политическим реформам. Впрочем, при ближайшем рассмотрении у религиозных преобразований все же обнаруживается политический подтекст.

В цепи проведенных Владимиром реформ начальной точкой, судя по всему, стала русско-византийская война 988 года, в ходе которой русскими войсками был захвачен город Корсунь. После этого в Константинополь было направлено требование выдать замуж за Киевского князя принцессу Анну. Отказ византийцев был мотивирован тем, что Владимир исповедовал язычество, поэтому князь в срочном порядке принял христианство, а вскоре – крестил жителей Киева.

Оба этих события – и брак с Анной, и крещение Руси – были направлены как раз на решение проблемы легитимности. С одной стороны, родство с византийскими императорами должно было укрепить династическую легитимность киевских князей, так как дети от этого брака считались бы потомками великого рода правителей Царьграда. С другой стороны, принятие христианства должно было обеспечить обожествление верховной власти – еще в «Послании к Римлянам» апостола Павла ясно сказано: *«несть бо власти, аще не от Бога»*. Тем самым, Владимир пытался помимо династической легитимности укрепить власть своей династии с помощью **легитимности сакральной**.

К сожалению, проект потерпел неудачу.

Во-первых, дети от брака с Анной (предположительно, это первые русские святые – князья Борис и Глеб) в 1015 году были убиты, и легитимность императорского рода была утрачена вместе с ними. Поэтому потомки Владимира

предпринимали неоднократные попытки восстановить династические связи – например, середине XI века князь Всеволод Ярославич женился на дочери византийского императора Константина IX Мономаха. Женой галицко-волынского князя Романа Мстиславича стала дочь императора Исаака II Ефросинья. Наконец, уже в конце XV века московский князь Иван III вступил в брак с Софьей Палеолог – племянницей императора Константина XI. Однако все эти браки могли дать легитимирующий эффект лишь в отдаленной исторической перспективе.

Во-вторых, хотя христианская традиция и включает в себя почитание верховной власти, на киевских князьях это долгое время не распространялось – церковь поначалу приписывала им исключительно земные, телесные, а, отнюдь, не духовные черты. Да и сами они собственную власть божественной не считали – так, в знаменитом «Поучении» князя Владимира Мономаха своим детям идея сакрализации не прослеживается.

* * *

Далеко не все князья, как уже говорилось, были готовы смириться с ограниченностью и неустойчивостью своей власти.

Сын и внуки Владимира Святославича – Ярослав Мудрый и Ярославичи – предпринимали активные действия по искоренению обычаев кровной мести и судебного поединка, стараясь сконцентрировать в своих руках право принятия судебных решений. Именно эти тенденции нашли отражение в принятом в XI веке кодексе под названием «Русская Правда». Помимо этого, на Руси был создан институт «посадников» – представителей князя, призванных заменить местное племенное самоуправление.

Тем не менее, эти мероприятия не смогли изменить доминирования на начальном этапе развития русской государственности двух алгоритмов легитимации власти:

1. Наследование. Данный способ передачи власти в Европе являлся неотъемлемой частью монархической формы правления, однако на русской почве он приобрел некоторые отличия. Так, наряду с наследованием власти «от отца к сыну» имел место «лествичный» принцип – право на управление княжеством получал старший в роду, как правило, брат умершего князя. Это усложняло порядок наследования, вследствие чего регулярными были столкновения в борьбе за старшинство в роду.

2. Приглашение. Данная процедура предполагала выбора князя из определенного круга претендентов, что оформлялось общим собранием горожан и дружинников, которые заключали с князем «ряд» (договор). Несмотря на традиционный для Руси характер, «приглашение» имело существенный изъян – оно не снимало претензий других князей на власть в княжестве, что приводило к вооруженным конфликтам между ними. При этом горожане нередко приглашали князей вопреки традиционному порядку наследования, что накаляло межкняжеские отношения.

Впрочем, даже эти механизмы передачи власти не способствовали повышению авторитета князей, а скорее, препятствовали этому. Профессору МГУ К.А.

Соловьеву удалось выделить перечень «неправедных» действий, приводивших к падению авторитета князя и его изгнанию:

1. нарушение взятых обязательств, внесенных в договор с княжеством;
2. переход князя из одной городской общины в другую;
3. отсутствие князя в городе в случае его осады, бегство или попытка убежать;
4. участие в междоусобной борьбе, заставляющей горожан выбирать свою сторону в борьбе претендентов.

Определенным решением дилеммы легитимности Рюриковичей, как ни странно, стало монгольское нашествие. После того как Русь в XIII веке была подчинена монголам и попала в зависимость от их Империи, князья обязаны были получать от ханов «ярлык», то есть официальный документ, подтверждающий их право на княжение. Именно это обстоятельство способствовало появлению на Руси так называемой «феодальной лестницы» – иерархии титулов знати. На вершине этой «лестницы» находился монгольский хан, ниже него стояли великие князья, ниже – удельные князья, которым подчинялись бояре и рядовые дружинники.

В отличие от Рюриковичей, Чингизиды обладали династической легитимностью в полном объеме и передавали часть ее русским князьям посредством ярлыков. В этой связи совершенно понятно нежелание многих князей выступать против монголов – дело не только в страхе потерпеть поражение, но и в том, что зависимость от Орды вполне устраивала русскую знать. Это давало возможность контролировать население, апеллируя к авторитету и военной силе потомков Чингисхана. Вспоминаются слова, сказанные князем Михаилом Черниговским монгольскому хану: *«Тебе царю кланяюсь, поскольку Бог поручил тебе царствовать на этом свете».*

Однако с разрывом между Русью и Ордой в конце XIV века проблема легитимности вновь резко обострилась, и между князьями начались размолвки по вопросам старшинства. Именно в этом была суть феодальной войны, разразившейся в первой половине XV века между потомками Дмитрия Донского.

Если учесть, что определенную опасность для Рюриковичей (особенно их московской ветви) стали представлять набравшие силу правители Великого княжества Литовского – Гедиминовичи, претендовавшие на власть в русских княжествах – актуальным стал вопрос об усилении легитимности династии в глазах подданных. В XV – XVI веках этот процесс шел по ранее намеченным направлениям – династическому и сакральному.

В частности, в XVI веке появляется целый комплекс произведений, содержащих попытки усилить легитимность путем «удревнения» истории нахождения рода Рюриковичей во власти. Крупнейшее из них, без сомнения – «Сказание о князьях Владимирских». В этом тексте излагается полуфантастическая версия происхождения Рюрика и, соответственно, Рюриковичей от Пруса – брата римского императора Августа. Хотя это не более чем легенда, и никакого брата Пруса у императора никогда не было, запись о таком родстве была даже внесена в официальный документ – «Государев родословец» 1555 года.

Помимо «Сказания» XVI век запомнился еще одной аналогичной историей. В 1525 году хорват Винко Прибоевич создал трактат «О происхождении и успехах славян», в котором настаивал, что славянами были такие общеизвестные исторические личности, как Аристотель, Александр Македонский, а также некоторые римские императоры. Этот миф оказался столь силен, что на его основе даже родилась легенда, будто тело Александра Македонского было захоронено в России.

Казалось бы, с точки зрения людей XVI века, соприкасавшихся с династией Рюриковичей напрямую, эти сюжеты должны были казаться совершенно неправдоподобными. Даже русские книжники в этот период зачастую обходили стороной вопрос о генеалогической преемственности князей и императоров, больше упирая на сходство их церковно-политических функций. Однако преимущество любой легенды как раз и в том состоит, что с течением времени она приобретает в сознании людей черты истинности. В результате, в этой истории уверился не только народ, но и сами правители – и Иван Грозный, и Алексей Михайлович, и Петр I искренне верили в свое родство с римскими императорами.

Вторым важным направлением деятельности Рюриковичей, а затем и Романовых, как уже говорилось, была сакрализация собственной власти. Именно святость должна была стать одним из факторов легитимности.

Наиболее распространенным способом получения сакральной легитимности стало причисление князей династии Рюриковичей к лику святых – среди таких можно вспомнить и князей Бориса и Глеба, и Ярослава Мудрого, и Михаила Черниговского (погибшего от рук монголов). Особняком в списке канонизированных князей стоит фигура Александра Невского, сын которого – Даниил Александрович – стал первым князем Московским. Соответственно, потомки Александра Ярославича вполне могли рассчитывать на часть его авторитета, как в светской, так и в духовной сфере. Подобные мотивы хорошо видны в знаменитой переписке царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским, в которой правитель настаивал на божественном происхождении своей власти – он *«Божиим повелением воцарились»*.

Определенную помощь в укоренении идеи божественного происхождения власти Рюриковичей оказала и Православная церковь. Так, уже в середине XV века (во время вышеупомянутой феодальной войны) русское духовенство четко обозначает свою позицию по вопросу об источнике княжеской власти, обращаясь к одному из зачинщиков междоусобицы – Дмитрию Шемяке: *«А божиею благодатию и неизреченными Его судьбами, брат твой старейший князь великий опять на своем государстве понеже кому дано что от Бога, и того не может у него отнять никто»*. В конце столетия преподобный Иосиф Волоцкий стал отстаивать идею неограниченности великокняжеской власти, которая подобна власти Господа: *«царь убо естеством подобен всем человеком, а властью же подобен есть вышнему богу»*.

Несмотря на подобные заявления, Константинопольский патриарх, являвшийся формальным главой русской церкви, такого отношения к московским князьям не разделял. В письме князю Василию I патриарх Антоний прямо ука-

зывает на то, что только византийский император мог пользоваться прерогативой сакрализации, а прочие правители на это рассчитывать не могли.

Весьма любопытно как в этой ситуации изменилось отношение к принятию Русью христианства из Византии. Поскольку по законам Империи любая страна и народ, принявшие новую веру из ее рук, становились подданными византийского императора, креститель Руси князь Владимир получил в Византии скромный придворный чин стольника. Однако в XV веке в письме московского князя Василия II константинопольскому патриарху Митрофану II автор утверждал, что после крещения правители Руси и Византии стали равноправными. Конечно, этот довод противоречил истине и патриарха не убедил.

Соответственно, признание божественного происхождения власти московским князьям должно было исходить не только от русской церкви, но и высшего патриархата. Такого признания удалось добиться в середине XVI века Ивану IV – восточные патриархи признали его право именоваться царем, после чего Грозный, по своему убеждению, более не был связан никакими ограничениями. Подтверждение легитимности из рук церкви стало одним из залогов формирования самодержавия. При этом многие казни Ивана Васильевича были вызваны именно стремлением использовать всю полностью доставшуюся ему власть, вопреки традиционным представлениям русского народа о месте монарха в системе государственного управления.

Деятельность Рюриковичей на протяжении XV – XVI веков не пропала втуне – народ уверился в их безраздельном и монопольном праве на власть в Московии, однако в дальнейшем это привело к печальным последствиям. В конце XVI столетия прямая линия наследников Ивана Калиты и Дмитрия Донского прервалась – сын Ивана Грозного Федор умер, не оставив наследника. В этой ситуации для решения проблемы наследования власти был созван Земский Собор, избравший в 1598 году новым царем Бориса Годунова.

О данном политическом деятеле нынешним гражданам, к сожалению, известно крайне мало, и его образ во многом формировался под воздействием не научной, а художественной литературы. Не имея возможности сейчас детально поведать о его реформах, заметим лишь, что для этого царя проблема легитимности стала одной из краеугольных.

Получение им власти из рук Земского Собора (то есть, людей, а не Бога) и отсутствие прямого родства с московскими царями создавало изначально предвзятое отношение со стороны знати, народа и иностранных правителей.

В итоге, после восшествия на престол послы Годунова объясняли его воцарение тем обстоятельством, что его сестра (Ирина Годунова) была женой последнего законного царя – Федора Иоанновича. Утверждалось, что Иван Грозный, якобы, называл Ирину своей дочерью, а значит, Борис был ему как сын. Наряду с этим распространялась идея о том, что Годуновы вели свой род от татарского мурзы Чета, то есть приходились родней Чингисхану. Обе истории должны были способствовать укреплению династической легитимности нового правителя.

К сожалению, когда страна столкнулась с длительным неурожаем, народ и, что любопытно, некоторые церковные деятели возложили ответственность за

эти события на избрание «неправедного» царя. Поэтому появление самозванца Лжедмитрия было встречено многими с радостью, так как появилась надежда на возрождение укоренившейся династии.

Как бы то ни было, история показала, что на рубеже XVI – XVII веков Россия оказалась не готова к использованию принципа *национальной легитимности*, согласно которому законность власти правителя обеспечивается его избранием. Судьба избранных царей – и Бориса Годунова, и Василия Шуйского была весьма плачевна. В этой ситуации совершенно очевидно, почему Михаил Романов, избранный Земским Собором на царство в 1613 году, поначалу отказывался от принятия титула. Страх оказаться очередным «неправедным» царем после событий Смутного времени должен был быть весьма силен.

Лишь союз новой династии с церковью, обусловленный возвращением из польского плена патриарха Филарета (в миру – Федора Романова, отца нового царя), позволил самодержавной власти одержать верх над нарождавшейся выборной монархией.